

лыпина. Как ни странно, самый радикальный вариант — кадетско-октябристский кабинет без всякого участия «бюрократов» — предложил генерал Д. Ф. Трепов. В председатели Совета министров он намечал опять же Муромцева, в министры внутренних дел — Милюкова или Петрункевича, в министры финансов — Герценштейна. Агентству Рейтер Трепов заявил, что ни чиновничье, ни коалиционное министерство не даст стране успокоения. Конечно, кадетский кабинет — это риск, но на него следует пойти: «Когда дом горит, приходится прыгать и с пятого этажа».

Встретившись с Милюковым, Трепов фактически принял кадетские условия, включая всеобщее избирательное право и принудительное отчуждение земли, с оговоркой, что эти меры должны быть введены от имени царя, а не Думы. Отверг он лишь амнистию: «Царь никогда не помиует цареубийц!» Между тем многим кадетам кадетское правительство представлялось опасной авантюрой, вопрос же о коалиционном правительстве среди них невозможно было и ставить.

Столыпин, категорически отвергая кадетский кабинет, хотел возложить неприятную миссию роспуска Думы на коалиционное министерство, возглавить которое предлагал октябристу Д. Н. Шипову. Тот, однако, назвал роспуск Думы «преступным», а на приеме у Николая II заявил, что необходимо министерство думского большинства и что роспуск Думы ничего не даст, так как следующий состав окажется таким же. У присутствующих сложилось впечатление, что Шипов царю понравился, однако Николай, вернувшись в семейный круг, обмолвился: «Вот говорят, Шипов умный человек, а я у него все выпросил и ничего ему не сказал».

Примерно 5 июля царь сделал окончательный выбор. Согласно В. Н. Коковцову, в 8 часов вечера пятницы 7 июля Горемыкин, вернувшись из Царского Села, весело сообщил министрам, что государь освободил его от должности председателя Совета и на его место назначен Столыпин, сохранивший и пост министра внутренних дел. В половине десятого приехал сам Столыпин, который рассказал о своем назначении и о договоренности распустить Думу в ближайшее воскресенье, то есть 9 июля.

Итак, первая Дума просуществовала 72 дня. Оппозиция была уверена, что царь намерен вообще избавиться от Думы. 230 депутатов из кадетов и трудовиков, собравшись в Выборге, обратились к населению с призывом в знак протеста не платить налоги и уклониться от воинского набора. Они ждали, что вся страна поднимется, узнав о разгоне Думы, и хотели смягчить катаклизм. Власть также страшилась последствий. Таврический дворец был взят под охрану, петербургский гарнизон приведен в состояние повышенной готовности.

И ничего не произошло. Не было ни митингов, ни демонстраций, ни гражданского неповиновения. Правда, спустя неделю восстали солдаты и моряки в Свеаборге и Кронштадте под лозунгами свержения самодержавия и передачи земли крестьянам. Но никакой связи с роспуском Думы в этом выступлении не просматривалось. Это был

первый в череде сюрпризов, преподносимых российским народом его избранникам. Народ отказался признать тот факт, что депутаты могут что-то сделать лишь при его поддержке. Считая власть чем-то сакральным, он ждал от Думы чуда, а когда чуда не вышло, разочаровался в ней. Из-за подобного отношения к выборным органам политическая борьба в России всегда протекала на удивление несинхронно. Власть, нанеся народу серию ударов, принимает боевую стойку и замирает в ожидании ответа. Однако ответа нет. Власть долго еще озирается, корчит страшные рожи, угрожающе машет руками, но в конце концов уверяется, что ситуация под контролем, и теряет бдительность, расслабляется и в самый неожиданный момент получает неизвестно откуда сокрушительный удар, иногда с летальным исходом.

ПРО ТЕРРОРИЗМ И ПРО РЕФОРМЫ

Период между роспуском первой и созывом второй Думы был наполнен кровавым террором — как на левом, так и на правом фланге политического спектра.

18 июля 1906 года в девять часов вечера в финском курортном местечке Териоки к Герценштейну, прогуливавшемуся с женой и двумя дочерьми, подошел неизвестный и дважды выстрелил из револьвера. Обе пули попали экс-депутату в грудь, ранена была и его дочь Наташа. Герценштейн скончался на месте, пережив первый российский парламент на девять дней. Следствие, проводимое параллельно финской полицией и прокурором Петербургского окружного суда, установило: организовал убийство начальник боевой дружины Союза русского народа Н. М. Юскевич-Красковский, а выполнила группа рабочих-боевиков во главе с сотрудником охраны Александром Казанцевым.

12 августа трое эсеров-максималистов — двое в форме жандармских офицеров, один в штатском — подъехали в ландо к дому Столыпина на Аптекарском острове. Охрана остановила их лишь внутри дома. С криками «Да здравствует свобода, да здравствует революция!» они бросили себе под ноги портфели с бомбами. Погибли 27 человек, ранения получили более 30, из коих некоторые вскоре умерли. Сам премьер почти не пострадал, но были ранены осколками его трехлетний сын Аркадий и четырнадцатилетняя дочь Наташа, которую с трудом удалось спасти. Среди оказывавших первую помощь был врач А. И. Дубровин, лидер Союза русского народа, и этот факт, видимо, имел большое влияние на дальнейшее поведение Столыпина. Вообще, когда впоследствии ему указывали, что ту или иную меру он раньше бы не одобрил, отвечал: «То было до 12 августа».

На следующий день был убит командир Семеновского полка генерал Г. А. Мин, усмиритель восстания в Москве. Террористические акты против генералов, губернаторов, градоначальников следовали теперь один за другим. 19 августа, опираясь на статью 87, правительство ввело подготовленный еще Витте закон о военно-полевых судах. Это